

Параллельно с 1880-х гг. начался процесс активного перехода родовспоможения в руки городского управления. Прошла реформа самой системы родовспоможения, заключавшаяся в замене мелких родильных приютов на более крупные, способные оказывать помощь не только при нормальных родах, но и в патологических случаях, а также в родовом и послеродовом периодах. Несмотря на то, что вновь создаваемые родильные дома находились на содержании городского бюджета, значительный вклад в их возникновение дальнейшее существование внесли благотворители, преимущественно люди из купеческой среды. Среди них выделяются фамилии Абрикосовых, Морозовых. Они оставили монументальные памятники деятельности милосердия, которые и сегодня служат делу оказания медицинской помощи нуждающимся.

В 1921 г. Наркомздравом РСФСР было утверждено «Положение о нормальной акушерской школе», где стали готовить акушеров, а для переподготовки повивальных бабок были организованы курсы.

В заключение можно заметить, что родовспомогательная деятельность включает в себя не только медицинскую, но и социальную направленность. Родильные дома начинают взаимодействовать с другими организациями: кабинеты планирования семьи, различные консультативные центры.

Е.А. Андриянова (Саратов)

Общество постмодернити и некоторые уроки благотворительности в России

В последние десятилетия все более злободневной становится проблема прав человека и доступности средств к существованию. Общество знает много программ, адресованных разным социальным группам, но пути, ими прокладываемые, все меньше способны разрешить нарастающие проблемы нового глобального порядка. Человеческие качества общества уступают место «экономической целесообразности», а низкое качество жизни его самых слабых членов далеко от влияния на ответственность государства и определяется размерами получаемой им внешней помощи.

Рассуждая по поводу утраты государством благосостояния своей привлекательности, З.Бауман отмечает, что его деятельность вызывает все более негативное отношение, и, в этой связи, выделяет ряд важных аспектов современного отношения к проблеме нищеты. С точки зрения перемещающего финансового капитала, идея обосноваться в стране,

для поддержания приемлемых условий жизни местных бедняков, абсолютно лишена «экономического смысла». Соответственно, это вызывает создание в прессе представления о том, что сотни тысяч бесполезных и ленивых бездельников предпочитают жить на деньги налогоплательщиков и не желают возвращаться на работу. «В популярных американских определениях “андеркласса” замученные нищетой люди, матери-одиночки, школьные недоучки, наркоманы и условно освобожденные преступники перечисляются через запятую и едва ли отделимы друг от друга. Их объединяет в общей массе лишь то, что все они, независимо от причин, являются “бременем для общества”» [1, с. 95–96].

Существование большой армии бедных выступает неким «уравновешивающим фактором», значение которого состоит в том, что безысходность их существования смягчает ужасающее беспокойство, неудобства и страхи повседневной неопределенности всех остальных. З.Бауман пишет, что только «в одном жизненно важном аспекте бедняки представляют то, чем хотел бы стать (хотя и не отважится попытаться) весь остальной мир: они свободны от неопределенности. Но определенность, которую они получили взамен, приходит либо в облике пораженных болезнями, переполненных преступлениями и отравленных наркотиками грязных улиц (если им выпало жить в Вашингтоне), либо в форме медленного умирания от недоедания (если они прозябают в Судане). <...> Один только вид бедных держит обеспеченных в состоянии страха и покорности. Тем самым он увековечивает их жизнь в условиях неопределенности» [1, с. 147].

Мобильность как основной фактор расслоения способствует выстраиванию глобальных социальных, экономических, политических и культурных иерархий. В создавшейся ситуации власть отказывается от своих обязательств, освобождается от них, а сохранение территориальности «повседневной жизни» отныне не вписывается в программы «эффективных инвестиций». Нарастающая поляризация свободы и безопасности, капитала и неопределенности, резкая социальная дифференциация, утрата веры в возможность последовательного достижения значимых целей – вот далеко не весь перечень факторов, который во многом определил радикальный пересмотр системы ценностей современного общества. Теряет значение социальная устойчивость и соответственно устойчивость межличностных отношений [1, с. 315]. Дискурс, формируемый З.Бауманом и выстраиваемый как нарративный комментарий к повседневности, создает поворот к культурным практикам, некоторые из которых очевидно стираются и вскоре будут утрачены. Среди прочих, к ним относится и благотворительность.

Благотворительность традиционно рассматривается как проявление сострадания к ближнему и как нравственная обязанность имущего

спешить на помощь нуждающимся. Иными словами, определение благотворительности невозможно без привлечения категорий христианской этики, поскольку она предстает как деятельность, направленная на уменьшение страданий и облегчение участи ближнего, опирающаяся на любовь к людям и милосердие.

Заповеди христианства выступали направляющим вектором в организации помощи больным и бедным, человеколюбие, установленное в качестве нравственно-религиозного догмата наполняло эту деятельность особым смыслом, не позволяя благотворительности деградировать до «приобретения вечного блаженства за отчуждение излишка» [2, с. 56] и ориентировало людей на живое участие и подлинное чувство, наполняющее личные заботы о страждущих подлинно гуманистическим содержанием.

Благотворительная помощь на Руси появилась в X в. в связи с созданием богаделен и убежищ-келий при монастырях. «Нищелюбие», занимающее основное место в благотворительности князя Владимира, на практике означало, что надо было накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного и по мере возможности проявить милосердие [3, с. 151–160].

В дальнейшем становление благотворительности проходило под патронажем православной Церкви и российского государства, целью которой являлось разумное обеспечение нуждающихся и предупреждение нищеты, неразрывно связанной с сознанием гражданской солидарности между членами общины, с общественным интересом и заботой как правительства, так и граждан о благе населения. Однако на протяжении нескольких веков призрение истинно нуждающихся сталкивалось с проблемой, которая не ушла из социальной практики и в наше время – желание без труда пожить за счет сердобольных людей процветало [4].

В России (1691) даже издается закон, угрожающий каждому профессиональному нищему тяжелым наказанием и ссылкой в Сибирь. Однако эти меры не возымели ожидаемого результата, и Петр I в 1712 г. издал указ, согласно которому полагалось облагать штрафами тех, кто милостыню подает. Тем самым, видимо, государство хотело отделить множество «фиктивных» нищих, пользующихся излишней добротой ближних, от действительно нуждающихся в общественной благотворительности.

Процессы институционализации в сфере благотворительности связаны с еще одним указом того же 1712 г., предписывающим завести по всем российским губерниям богадельни при церквях и монастырях и содержать их на церковные свечные сборы. В царствование Екатерины II призрение получило более рациональную организацию: ее указом

(1775) создаются учреждения, известные как «Приказы общественного призрения», в круг обязанностей которых входило наряду с попечением о народном здравии и заботы о престарелых и увечных. Как органы административной власти приказы находились под контролем губернаторов, а как учреждения, связанные с кредитными операциями, имели довольно крупные статьи дохода.

Для приказов были созданы особые условия, позволяющие им практически монополизировать благотворительность, так как на пути частной благотворительности были возведены достаточно серьезные преграды посредством закона, по которому для учреждения какого-либо частного благотворительного заведения нужно было особое Высочайшее разрешение. Существующий закон настолько стеснял частную благотворительность, что до 1862 г. во всей России было только 8 городов, в которых существовали разрешенные частные благотворительные общества. Лишь после отмены упомянутого документа началось широкое распространение частных благотворительных обществ и заведений. Более существенные перемены связаны с 1864 г., когда во многих губерниях приказы общественного призрения были уничтожены, а попечение о народном здравии было возложено на вновь созданные земские учреждения. Государство постепенно снимало с себя заботу о призрении и передавало ее в руки общественного управления.

По своему назначению существовавшие в те годы благотворительные заведения можно разделить на ряд групп. К первой относились богадельни, дешевые и бесплатные столовые, приюты для взрослых, больницы для хроников и умалишенных. Основное назначение помощи в этих учреждениях – обеспечение пищей и жильем как тех, кто не способен к работе, так и тех, кто работать мог, но работой был не обеспечен. Вторую группу составляли приюты для сирот, подкидышей, дневные убежища, ясли и пр.; в третью входили исправительные и заработные дома; к четвертой группе относили дома трудолюбия, бюро по поиску работы, выдачи пособий и ссуд; пятая группа представляла собой пенсионные кассы и различные учреждения взаимопомощи.

Идеи многих перечисленных выше учреждений представляют собой заимствованные зарубежные проекты, что и оправданно, так как само понятие «призрение» едино, а объектом призрения становится человек «всякого возраста, национальности, религии – впавший в нравственную, физическую или же материальную беспомощность и погибающий в силу стечения неблагоприятных для него обстоятельств» [5, с. 7].

Для России с годами определились существенные признаки учреждений благотворительности, именуемые «богадельнями» – это полное содержание лиц, призываемых там и их состав (престарелые, увечные,

убогие и дряхлые, т. е. лица не способные существовать личным трудом).

В XIX в. наряду с развитием таких форм благотворительности как общественное призрение и призрение военнослужащих и их семей в рамках Красного Креста зарождается институт сестер и братьев милосердия. Неизменными условиями уставов общин сестер милосердия были целомудрие и строгость поведения, любовь и милосердие к ближнему, трудолюбие и самоотверженность, дисциплинированность и беспрекословное подчинение начальству. Таким образом, высокие нравственные качества, необходимые в деятельности сестры милосердия, трансформировались в качества профессиональные, а сострадание превратилось в краеугольный камень профессии.

Многие заложенные в то время основы практических действий в социальной области определяют видение системы ценностей и типа личности сегодняшнего социального работника, для которого профессиональный путь есть постижение «анатомии» издержек неравенства через готовность помочь и простить из сострадания и человеколюбия [6, с. 356].

Библиографический список:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. М., 2002.
2. Благотворительность // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1900. Т. 4
3. Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. История социальной работы за рубежом и в России: С древности до начала XX в. М.–Екатеринбург, 2002. С. 151-160.
4. См.: Красовский Б.П. Городской нищий // Социол. исслед. 1999. № 6.
5. Матвеев И.Н. Санитарные очерки: Общественное призрение. Саратов, 1898.
6. Милосердие // Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.